

Мурзахмедова Г.

ИДЕЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА «КЫРГЫН»

УДК: 80: 894. 341.

Роман Толегена Касымбекова «Кыргын» состоит из пяти глав и эпилога, логически связанных друг с другом общей темой. Первая глава начинается рассказом об аресте Байтика и его кончиной, заканчивается, отъездом Шабдана в паломничество в Мекку. Вторая часть повествует о Петиции Шабдана императору России и о дальнейших его злоключениях, связанных с этим документом. Третья часть посвящена рассказу о мобилизации коренного населения на военно – тыловые работы. Основная тема, объединяющая все эти главы, заключается в авторском объяснении мотивов и основных причин, приведших к народному восстанию в 1916 году. Четвертая глава повествует непосредственно о самом ходе восстания. Пятая, заключительная глава, рассказывает о разгроме восстания и расправе над его участниками, преследовании казачьими карательными отрядами беженцев, двигавшихся к границе Китая.

В романе писатель использует очень много исторических документов: Петиция, указ царя о мобилизации, секретные телеграммы и донесения военных чинов, протоколы допроса свидетелей и участников восстания и т.д. В отличие от романа «Баскын» в нем мало фольклорного материала. Включение автором многочисленных документов, вполне оправдано. Каждая глава начинается с прямого цитирования документа, для того, чтобы задать тему, о которой будет идти речь. Документ дает ощущение исторической достоверности и официальной подтвержденности царскими чиновниками, описываемых автором событий. Есть еще и другая причина, по которой писатель часто опирается на документальный источник. Сама тема романа – рассказ о восстании 1916 года, о жестоком уничтожении безоружного народа царским самодержавием, настолько щепетильна и деликатна, что без официальных документов, составленных самими чиновниками царской власти, писатель не смог бы аргументировано доказать свою, авторскую, версию произошедшей трагедии. Более того, без широкого включения в ткань произведения архивных документов, а иногда он не просто цитирует, но и дает их в полном варианте, писателю не удалось бы дать достойную оценку зверствам колонизаторов, установить виновников убийства и заклеить их позором.

Таким образом, документ помогает писателю воссоздать историческую канву времени, определить место действия, с одной стороны, а с другой – документ служит автору своеобразным камертоном, определяющим звучание и тональность последующих за ним страниц.

Главными героями романа являются как исторические лица – Шабдан, Байтик, так и вымышленные. Роман как бы поделен на две части. Так, Шаб-

дан и Байтик составляют сюжетный стержень двух первых глав, в остальных трех главах – основными действующими героями являются вымышленные персонажи Жайлообай, Кузьмин, Герман, Люба, Тайлак и другие. Присутствуют в произведении и такие исторические фигуры царских генералов, как Фольбаум, Гиппиус, Рымшевич, Писаржевский и другие.

Писатель раскрывает сущность политики царской России по отношению к Кыргызстану, которая была типично колонизаторской. Такую же политику вели в свое время Англия в Индии, Франция в Африке. Не только Кыргызстан, но весь мир прошел в своем развитии такой этап, когда технологически развитые страны покоряли слабые и использовали их в своих интересах. Разумеется, и Россия преследовала свои личные интересы на территории Кыргызстана. Переселение определенной части крестьян из России в Кыргызстан, захват лучших земель переселенцами, вытеснение местного населения на непригодные для жилья территории, внедрение российской системы управления – все это и есть типичная колонизаторская политика. Прямое навязывание незнакомых форм жизни, ограничения в привычном, задевание Национальных чувств, относящихся к наиболее уязвимым – все это естественные последствия колонизаторства. Ведь и введение неизвестного кочевникам новшества, как выборы глав айлов, старшин и биев, так же очень негативно было воспринято основной частью коренного населения. Такое новшество внесло разлад в народе. Уже стали с недовольством и явным злорадством поглядывать на своих сородичей, потомков рода манаров. И это не мог не почувствовать мудрый Шабдан.

С приходом новой власти изменилось и мировоззрение, сам дух народный. Не было уже былого уважения младшего к старшему, а старшего к младшему по возрасту. Казалось, что люди не слышали и в одночасье перестали понимать друг друга. Древний народ оказался игрушкой в руках царской власти.

Писатель размышляет над превратностями судьбы. Когда – то джигит, прославившийся своей храбростью и мудростью, получал в народе высокое звание «баатыр». Не требуя взамен ничего, он охранял народ и землю от посягательств врагов. К нему тянулись люди, в поисках понимания и защиты. Он выделялся из народной массы. С ним советовались, считались с его мнением и, невольно для себя, но по воле народной, он становился во главе рода. Вот какие люди стояли во главе народа! Только заслужив уважение и почет народа, джигит мог называть себя «баатыром». Сейчас нет того былого величия и доблести. Все решает единолично ставленник белого царя - «Жарым паша» (Полу-

царь). Назначает главами, старшинами, волостными послушных и угодных только ему людей.

Шабдан довольно часто вспоминал Байтика. Перед его глазами вставал облик умирающего вождя солтинцев и неоднократный его вздох, похожий на стон - «аттин...». Шабдану показалось, что в этом слове скрыта какая – то тайна, глубокий смысл которого известен только одному ему – баатыру Байтику. Тогда он не придавал особого значения этому, хотя был очень удивлен – о чем так тяжело сожалеет Байтик? Смысл этого слова он поймет, когда лицом к лицу непосредственно сам столкнется с несправедливостью и унижением.

Возвращаясь после похорон Байтика, и, проезжая мимо русского поселка, Шабдан попал в очень неприятную историю. Огромный пес, с диким лаем выбежал ему навстречу, пугая его коня. Он злобно рычал, пытаясь укунить за ногу коня. Услышав лай пса, откуда ни возьмись, прибежали дети и с нахальством начали дразнить и корчить рожи Шабдану. Стоявший неподалеку мужик, внимательно наблюдал за происходящим и даже не соизволил остановить детей. Он только довольно улыбаясь, скалил зубы.

Только теперь Шабдану стало понятно, почему так тяжело вздохнув, произнес Байтик «аттин». Задетый за живое Шабдан, попытался было пожаловаться войсковому старшине подполковнику Путинцеву на бесчинства русских переселенцев, как услышал в ответ слова, которые прозвучали, как предупреждение ему, какие последствия могут ожидать любого «туземца», пожелавшего обидеть русских крестьян. Внешне ничем не выдал своего волнения Шабдан, но перед глазами его еще раз предстал умирающий лик баатыра Байтика и его горький вздох «аттин».

Бесчинство царской власти распространялась не только на простой народ, но даже и на феодальную верхушку. Во время русской колонизации права местной знати были значительно ограничены. Они не имели возможности работать в государственных учреждениях. Суть колониальной политики видна из секретного распоряжения туркестанского генерал-губернатора всем военным губернаторам, начальникам уездов, участковым приставам: «...быть всегда особо твердым в сношениях с туземцами, помня, что всегда и во всем русское имя и русские интересы должны главенствовать... У нас на первом плане должны быть казаки и с ними крестьяне и мещане, а на втором плане - туземцы».

Как бы хорошо не относились к Шабдану русские военные чины, уважительно называя его «Шаби», он никогда не был для них «своим». Он находился под пристальным их вниманием и надзором. В подтверждение этой мысли автор приводит секретный документ, донесение начальника Пишпекского уезда Талызина военному губернатору. В своем донесении он рассказывает о празднике, который проводил Шабдан. Он сам лично вручал дорогие подарки победителям в национальных поединках, бросал серебряные монеты детям, и при этом от души смеялся и радовался. По мысли Та-

лызина Шабдан совершает поступки, которые должны настораживать власть. Например, Шабдан против того, чтобы дети «инородцев» обучались в русских школах, утверждая, что они должны обучаться на родном языке. Кроме того, к нему обращаются простые люди с просьбой о помощи, приносят свои заявления, он их просматривает, дает советы, берет на себя поручительство в делах. Такое поведение Шабдана, сообщает Талызин, становится уже невыносимым.

В своих рассуждениях, автор верно замечает, что в русском обществе царь сам назначал чиновников на должности, повышал или понижал их по служебной лестнице. Среди кочевого же народа, привыкшего к патриархально – родовым отношениям, имеющего свой взгляд на взаимоотношения внутри рода и вне его, царские захватчики стали насильственно вводить свои методы управления, которые рушили не только мировоззрение народа, но и, святая святых, нравственные, моральные и культурные устои жизни. И такое унижение народа, его чести и достоинства происходило ежедневно на глазах народных лидеров – Байтика и Шабдана.

Известный историк Бартольд В. В своей книге «Киргизы», рассуждая о выборах, писал: «Валиханов в декабре 1864 года осуждал русские власти за то, что «ничтожный известный лживостью» Сарынбек (или Сарынбай) был возведен в ранг «ага манапа», тогда как прежде у киргиз аристократии не было и только немногие, как Урман и Бурумбай (или Бурамбай, Буранбай), выдвинутые своими личными качествами, достигали главенства, причем, первый был известен храбростью, второй – замечательным умом. Назначив главным манапом ничтожное лицо, «случайное явление возвели в постоянное достоинство», этим же они вооружили против себя других манапов».

Шабдан за время долгой службы у русского императора, старался сделать что – нибудь полезное и нужное для своего народа. Для того, чтобы сохранить самобытность кыргызского народа, его культуру, традиции и обычаи, он отправил императору России петицию, с нижайшей просьбой рассмотреть ряд жизненно важных для коренного населения вопросов, в частности, построения школ – медресе, с национальным языком обучения, изучение детьми вместо непонятного им Слова Божья, заповедей из мусульманской религии, передача судебных дел в духовную академию, где рассмотрение их происходило бы в установленном законом порядке. Разрешить выпуск книг, журналов, газет на родном языке или на одном из языков восточных мусульман – татарском, казахском и других и дать право на продажу их по всей необъятной территории России.

Автор, включая в роман целиком этот документ - петицию и цифры, подтверждает тем самым захватническую суть политики царизма. Она началась не в одночасье, а исподволь, медленно, но верно. Так называемые русские «путешественни-

ки» и «географы» тщательно изучив состояние края, составляли нужные военным карты.

Стремление Шабдана передать землю в ведомство вакуффов, имела очень большое значение для народа. Вакуфные земли являлись собственностью мусульман и не облагались налогом. Эти земли создавались из пожертвований состоятельных людей. Их нельзя было отобрать, продать, подарить. Поэтому Шабдан пытался, во что бы то ни стало спасти землю от посягательств ненасытной царской власти и отдать на вечное пользование людям. Этот документ явился своеобразной надеждой и для самого Шабдана, так как в нем ставилась проблема сохранения народного достояния.

Касымбеков рассказывает о возникновении идеи написания им этого документа. После возвращения из Мекки Шабдан долго рассказывал Дюру о существующих там порядках и о решении проблемы с землей. В беседе с Дюром Шабдан говорит ему, что скорее всего император не знает о положении дел в крае, поэтому необходимо обратиться к нему непосредственно самим. Он спрашивает у Дюра о существовании «прошения», с которым может обратиться каждый подданный его Величества. Хоть считается кыргызский народ «инародцами», но и он находится в подданстве белого царя, значит, имеет право обращаться с прошением. Таким образом, через некоторое время Петиция Шабдана, была отправлена в далекий Санкт - Петербург, самому императору России.

Вообще эта Петиция стала роковой для Шабдана. Писатель приводит выдержки из протокола допроса, в которых Шабдан поясняет мотивы, которые подтолкнули его написать это прошение. Он говорит о том, что им двигало лишь желание улучшить положение народа, облегчить его жизнь, и, поскольку, кыргызы тоже подданные империи, то он решил обратиться непосредственно к самому царю. Петиция Шабдана могла бы, в случае положительного ее решения, положить конец мятарствам и беспорядкам положению народа. Но, к сожалению, она так и не дошла до адресата. Больше того, военным губернатором края этот документ был воспринят, как посягательство на устои самодержавия.

Дни шли, а ответа на долгожданное прошение не было. Еще раз вспомнил Шабдан предсмертный стон Байтика, и вырвавшееся из его уст «аттин». Так же на память приходили его молодость и первое появление русских войск, которые пришли с мечом и огнем на кыргызскую землю. Много бед и несчастий принесли колонизаторы, но жертв было бы во сто крат больше, если бы не дипломатичность Шабдана, не горячее стремление его спасти свой народ от неминуемого истребления. Теперь Шабдан, достигший преклонного возраста, все больше предается тягостным размышлениям о превратностях судьбы. Все чаще он слышит за своей спиной недовольные высказывания своих же сородичей, обвиняющих его в том, что именно он привел и привечал в свое время русских захватчиков. Но больше всего прозвучали эти слова в устах его

родного сына Мокуша, который, как бы, с некоторым осуждением и издевкой назвал русских новыми «родственниками» Шабдана.

В народной памяти осталось немало историй, рассказывающих о таких качествах характера Шабдана, как милосердие и щедрость. За каждого, встреченного им по пути, нищего болело его сердце. Его равнодушное отношение к материальным ценностям показано писателем в сцене встречи Шабдана с новоначальным генерал – губернатором Самсоновым. Новый ставленник царской России был очень удивлен внешним видом Шабдана. Русский генерал никак не мог взять в толк, как можно оборвать эполеты с золотым опылением, и раздать бедным? Для него мундир – это святое и срывать с него эполеты, равносильно издевательствам и насмехательству над русской армией! Не мог он понять и того, что для Шабдана мундир – это всего лишь вещь, и не представляет собой ничего ценного. Во всяком случае, мундир для него не может быть святее человека и человеческой жизни.

Перед генералом сидел старый человек, в мундире царской армии, с оголенными эполетами на плечах, отслуживший свою службу его величеству императору России. При этой мысли, на мгновение, глаза генерала как будто подобрались, и он смотрел на Шабдана как на глубокого уставшего от жизненной суеты старца. Всем своим видом он дал понять Дюру, что с вниманием готов выслушать своего визитера. Шабдан начал рассказывать генералу о Петиции. Генерал был осведомлен об этом документе, наделавшем много шума в верхах, и имел свое отношение к нему. Он сразу и без обиняков ответил Шабдану, что положения, изложенные в этом документе невозможно исполнить.

Для русских колонизаторов представлялось важным показать туземцам свою силу и власть, дать им понять, кто хозяин на этой земле. Они пытались сломать волю и дух народа, путем унижения чести и достоинства его лидера, вождя. При большом скоплении народа, генерал Самсонов поучает, а иногда даже угрожает Шабдану за его вольнодумство. Писатель показывает, как при появлении генерала забили дробь барабаны и солдаты в один голос закричали «ура!». Он вел себя как полновластный хозяин, соответствуя полностью своему имени «жарым паша», которому подвластно все, в том числе, и решение вопроса – жить туземцам на своей земле или нет.

Автор показывает кыргызов, которые стояли с поникшими головами, не смея поднять свои глаза. Они чувствовали, что стали чужими, по чужой воле, по воле новой власти, на своей земле, взрастившей и вскормившей их. Самодовольный генерал был рад слышать приветственные крики солдат, и окинув их своим взором, с гордостью подумал о мощи и силе своей страны, которая станет победителем всего мира.

Самсонов четко выразил суть колонизаторской политики России, заявив, что они пришли сюда не на время, а надолго, и в случае оказания каких –

либо сопротивлений, у них найдется достаточно оружия, чтобы утихомирить строптивых.

Касымбеков раскрывает нам внутреннее психологическое состояние Шабдана, для которого эти слова прозвучали, как приговор. Все поплыло перед глазами. Он не слышал, как грянул залп пушек, потому что в ушах слышался только голос генерала, со всей ясностью и безапелляционностью заявившего, что земля предков не принадлежит народу.

Автор показывает Шабдана в минуты раздумий и анализа своих прожитых лет. Одного лишь боялся Шабдан – остаться в памяти народа, как человек, который привел русских захватчиков на свою землю, потакал и помогал им во всем, чтобы угнетать и унижать свой народ. Вспомнил он и другое свое прошение белому царю – о присвоении ему титула дворянина. Что толкнуло его, в те далекие молодые годы, просить о такой милости? Возможно, ввело его в заблуждение видимое «теплое» и «приятельское» отношение русских начальников, которое, как ему казалось, продлится на веки? А может быть эта идея возникла у него по совету русских учителей, обучавших его детей? Шабдан почувствовал облегчение от мысли, что потерялась эта бумага в ворохе официальной документации, что остался он не титулованным чужаками, но с высоким и почетным званием «баатыр», полученным от своего народа. Очень жалел постаревший Шабдан, что не успел завершить начатое им дело – реализовать свою Петицию, и, тем самым, облегчить участь своего народа.

Верой и правдой прослужил Шабдан российскому самодержцу. Вся его молодость прошла в седле, в поездках по кочевьям своих сородичей, в призывах не сопротивляться русским, чтобы не оказаться уничтоженными. Что лично для себя он выгодал? Где она былая слава и почет, как русских генералов, так и своих сородичей? Из груди Шабдана вырвался тяжелый вздох, как тогда, в те далекие годы, вот так же у Байтика, тяжелым стоном прозвучало слово «аттин». Шабдан вдруг ясно почувствовал свое одиночество и свою ненужность никому.

Он заметил и то, что царская власть стала искать повод для открытой конфронтации с народом. Если человек уважал и чтит свои традиции, обычаи, веру, то его обвиняли в исламизме, если любил свою родную землю, считали националистом. «Ни это ли насилие над народом?» – задавался вопросом Шабдан. И поездка его в Мекку так же не осталась без внимания царских чиновников. Эта поездка стала причиной того, что за Шабданом проводилось внешнее наблюдение, в его близком окружении некоторых людей обвинили в «исламизме» и «тюркизме», проводился своеобразный опрос и «дознание», собирались сведения о всех его действиях и передвижениях.

Царская власть для того, чтобы вконец сломать волю Шабдана арестовывает его сына Мокуша, предъявив ему ложное обвинение в убийстве человека. Теперь он стоял у дверей губернатора в

долгом ожидании и в надежде на то, что его примут, выслушают и дадут разъяснения причин ареста. Только поздно вечером губернатор Фольбаум соизволил пригласить Шабдана к себе. Глазами Шабдана мы видим губернатора. Он сравнивает Фольбаума с генералами, с которыми ему доводилось служить в молодые годы. Удивился Шабдан и тогда, когда он поздоровался, но губернатор не ответил. Предыдущие генералы сами подходили и здоровались за руку, усаживали на широкий диван, расспрашивали о здоровье, о житье – бытье. Этот, насупив брови, даже не поднял глаза, только промышчал про себя, спросив о цели его визита. Просьба Шабдана расследовать дело его сына по справедливости, губернатор воспринял очень болезненно и с некоторой долей негодования. Он был рассержен тем, что Шабдан посмел усомниться в справедливости власти императора. С возмущением он напомнил Шабдану его Петицию и стал выговаривать ему свое недовольство. Какое право имеет Шабдан и его народ требовать себе какие – то права?

Петиция сыграла роковую роль во всей последующей жизни Шабдана. Она всем своим содержанием разрушала саму основу царской колонизаторской политики, целью которой было – держать в страхе и беспрекословном повиновении «инородцев». О каком социальном улучшении жизни туземцев может требовать этот старик? Не выполняет ли он задачу пантюркистов и исламистов расшатать, а затем уничтожить изнутри устои царской власти? Больше того, генерал сыпал обвинениями в адрес Шабдана в том, что он приблизительно догадывается, что его на такие действия подталкивают внешние турецкие силы, а сын его, получив образование в том же Стамбуле, теперь морочит голову подданным его величества. Ответ Фольбаума Шабдану, с честью прослужившему многие годы царской короне, был грубым и унижающим человеческое достоинство.

С глубоким психологизмом передает автор внутреннее состояние Шабдана, понявшего по напористому и отрывочномуговору Фольбаума, нежелание разговаривать с ним о сыне. Он поднялся и медленным шагом вышел из кабинета губернатора.

И опять тяжелые мысли – воспоминания одолевали его, не давая покоя. Он оказался между двух огней. С одной стороны, в глазах некоторых людей, он – прислужник царской власти, с другой, для чиновников белого царя – он нарушитель спокойствия и правдоискатель. Теперь к старому Шабдану русские генералы относились свысока и с пренебрежением. Но кто, если не он, глава крупного рода, заступится и позаботится о своем народе? Ради чего он всю свою жизнь служил царской власти, совершая иногда поступки, которые не всегда являлись благовидными? Ради того, чтобы сейчас услышать от высокомерного военного губернатора оскорбительные слова? Ради того, чтобы его народ называли на своей же родной земле «инородцами», «туземцами» и «дикарями»? Ради того, чтобы ви-

деть своими глазами несправедливость и угнетение кыргызов русскими переселенцами? О такой ли участи для народа он мечтал? Из груди измученного раздумьями Шабдана, вырывался то ли стон, то ли тяжелый вздох.

Автор через внутренние переживания главного героя, раскрывает нам суть колониальной политики царизма. В крае коренное население подвергалось жестокому Национальному гнету. Царские чиновники унижали национальное достоинство кыргызов и с пренебрежением называли их «дикокаменными», «дикими», «черными киргизами» или «туземцами» и «иногородцами». В этом заключалась попытка русских колонизаторов вытравить из сознания коренного населения этническое название «кыргыз». Царские захватчики не считались и не уважали местные обычаи и традиции. Они держали в страхе местное население, чтобы добиться от них покорности. Царскими властями на образование и просвещение местного населения из бюджета края практически ничего не выделялось. Средства расходовались в основном на содержание двух гимназий, в которых обучались дети русских чиновников. Правда, с 1857 года по указанию Кауфмана начали открываться смешанные школы, которые создавались главным образом за счет вложений местного населения сверх государственных налогов. Ситуация с медицинским обслуживанием вы-

глядела не лучшим образом. В обширном крае почти полностью отсутствовали аптеки и больницы, можно утверждать, что местное население осталось без всякой медицинской помощи. Эти сухие строки историка нашли свое художественное воплощение на страницах романа.

Литература:

1. Бартольд В. Киргизы. Исторический очерк. Фр., 1945.
2. Галузо П. Туркестан – колония: (очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). М.: Изд – во Комм. Унив – та трудящихся Востока им. И.Сталина, 1929.
3. Усенбаев К. 1916 год: героические и трагические страницы. Бишкек: Кыргызстан, 1997.
4. Усенбаев К. Народные движения Средней Азии в 19 веке. Б.- Ош, 1998.
5. Айтпаева Г. Уркун: смысл трагедии 1916 года в контексте большого времени. Матер. Научно – метод-ой конференции АУК. Часть 1, Бишкек, 1999.
6. Джамгерчинов Б. Очерки политической истории Киргизии 19 века. Фр.: Илим, 1966.
7. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. М.: Знание, 1960.
8. Сапелкин А. Налоговая политика царизма в Киргизии. Мат-лы по истории и экономике Киргизии. Фр.: Илим, 1963.
9. Плоских В. Очерки патриархально – феодальных отношений в южной Киргизии (50-70-х г.г. 19 в.). Фр., 1968.